

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2017

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Пенской В.В.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)43/44

УДК 94(47).03/04

**Пенской В.В. Еще раз об «ориентализации» русского военного дела в
сер. XV – 1-й пол. XVI вв.**

**(Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В.,
Панкратова А.Г., Бузденкова Д.Е. Кулешова Ю.А опубликованные в специальном
выпуске № 5 «[Стояние на реке Угре 1480-2015](#)»)**

Ключевые слова: Русское государство, Золотая Орда, Крым, Казань, Великое княжество Московское, Великое княжество Литовское, военное дело, ориентализация.

Автор: Пенской Виталий Викторович, Россия, г. Белгород. В 1992 г. закончил исторический факультет Белгородского педагогического института, работал учителем в школе, после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук – в Белгородском государственном университете, где и продолжает трудиться и по сей день. Область научных интересов – история России позднего Средневековья – раннего Нового времени и история русского военного дела сер. XV – нач. XVII вв.

Email: syn.boyarskoy2009@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В. изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Комаров О.В. Отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Панкратов А.Г. К развернувшейся дискуссии после выхода статьи О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV века» [Электронный ресурс] // История

военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. III. — С. 678-703 <<http://www.milhist.info/2017/01/24/pankratov>> (24.01.2017).

Бузденков Д.Е. К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. III. — С. 706-737 <<http://www.milhist.info/2017/03/14/byzdenkov>> (14.03.2017).

Кулешов Ю.А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, 2-я половина XV – 1-я половина XVI вв. Постановка вопроса. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., Панкратова А.Г., Бузденкова Д.Е. опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. III. — С. 740-766 <<http://www.milhist.info/2017/04/11/kyleshov>> (11.04.2017).

Бобров Л.А. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV-XVII вв.) // PARA·BELLUM. — 2003. — № 2(18).

Бобров Л.А. «Ответный удар» (этапы «вестернизации» доспеха Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени) // PARA·BELLUM. — 2004. — № 2(22).

Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII-XV веков. — М., 1969. — Ч. 1.

Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: древности темного времени. — М., 2003.

Арциховский А.В. Оружие // Очерки русской культуры XIII-XV веков. — М., 1969. — Ч. 1.

Borawski P. Ziemska służba wojskowa Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego w XV-XVII wieku. — Zabrze, 2015.

Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. — 2002. — № 1.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2017/04/21/penskoy_10

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. Еще раз об «ориентализации» русского военного дела в сер. XV – 1-й пол. XVI вв. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., Панкратова А.Г., Бузденкова Д.Е. Кулешова Ю.А опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. III. — С. 768-793 <http://www.milhist.info/2017/04/21/penskoy_10> (21.04.2017).

Penskoy V. Another aspect of the “Orientalism”-based Russian art of war, from the mid-fifteenth to the first half of the sixteenth century, in response to “The Great Stand on the Ugra River, 1480-2015” article by O. Schindler et al.

Keywords: Muscovy Tsardom; Golden Horde; Crimea; Kazan; Grand Duchy of Lithuania; the art of war; “orientalism”.

Author: Vitaly B. Penskoj is a history professor; he currently works at the Belgorod State University, Russia. His specialty is in the late medieval and early modern Russian history, including military history, mid-fifteenth – early seventeenth centuries

Email: syn.boyarskoy2009@yandex.ru

References:

Schindler O.V. The modification of fashion: Russian armor in the second half of XVth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. I. — P. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Bykov A. Response to O. Schindler’s “The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Nesin M. Response to A. Bykov’s critical reply “On O. Schindler’s article on ‘Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century’ ” and on O. Schindler’s article proper “Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 614-652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Komarov O.V. Response to O. Schindler’s article on “Change of the arms and armor’s style during the second part of the fifteenth century.” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 654-676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Pankratov A.G. A discussion regarding O. Schindler’s article on “Change of the Russian Arms and Armor on the second part of the fifteenth century” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition V. Great stand on the Ugra river. — Vol. III. — P. 678-703 <<http://www.milhist.info/2017/01/24/pankratov>> (24.01.2017).

Buzdenkov D. On orientalism of the Muscovite army based on the chronicles of their war with Novgorod; namely, the battles at Russa, 1456 and of the Shelon, 1471 (Comments on the articles of Schindler O., Bykov A., Nesin M., Komarov O. published in the Special edition V «The Great Stand on the Ugra river 1480-2015») [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition V. Great stand on the Ugra river. — Vol. III. — P. 706-737 <<http://www.milhist.info/2017/03/14/byzdenkov>> (14.03.2017).

Kuleshov Y. “Orientalism” – based Russian arms and armor dated from the second half of the fifteenth – to the first half of the sixteenth century, in response to “The Great Stand on the Ugra River, 1480-2015” article by O. Schindler et al. [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition V. Great stand on the Ugra river. — Vol. III. — P. 740-766 <<http://www.milhist.info/2017/04/11/kyleshov>> (11.04.2017).

Bobrov L.A. Zheleznye jastreby Maveranahra (kompleks zashhitnogo vooruzhenija voinov Srednej Azii i sopredel'nyh territorij konca XV-XVII vv.) [Iron hawks Maveranahr (the protective arms of

the warriors of Central Asia and adjacent territories in the late XV-XVII centuries.)] // PARA•BELLUM. — 2003. — № 2(18).

Bobrov L.A. «Otvetyj udar» (jetapy «vesternizacii» dospeha Perednej i Central'noj Azii v jepohu pozdnego srednevekov'ja i novogo vremeni) ["Retaliation" (the stages of "Westernization" armor Front and Central Asia in the late middle ages and modern times)] // PARA•BELLUM. — 2004. — № 2(22).

Rybakov B.A. Voennoe iskusstvo [The art of war] // Oчерki russkoj kul'tury XIII-XV vekov. — M., 1969. — Ch. 1.

Makarov N.A. Rus' v XIII veke: harakter kul'turnyh izmenenij [Rus in the XIII century: the nature of cultural change] // Rus v XIII veke: drevnosti temnogo vremeni. — M., 2003.

Arcihovskij A.V. Oruzhie [Weapon] // Oчерki russkoj kul'tury XIII-XV vekov. — M., 1969. — Ch. 1.

Borawski P. Ziemska służba wojskowa Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego w XV-XVII wieku. — Zabrze, 2015.

Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. — 2002. — № 1.

Internet link:

http://www.milhist.info/2017/04/21/penskoy_10

Reference:

Penskoy V. Another aspect of the “Orientalism”-based Russian art of war, from the mid-fifteenth to the first half of the sixteenth century, in response to “The Great Stand on the Ugra River, 1480-2015” article by O. Schindler et al. [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition V. Great stand on the Ugra river. — Vol. III. — P. 768-793 <http://www.milhist.info/2017/04/21/penskoy_10> (21.04.2017).

В.В. Пенской

ЕЩЕ РАЗ ОБ
«ОРИЕНТАЛИЗАЦИИ»
РУССКОГО ВОЕННОГО ДЕЛА
в середине XV – первой половине XVI вв.

В своей ставшей классической работе «Военное дело на Руси в XIII — XV вв.» А. Н. Кирпичников, характеризуя особенности развития русской военной машины на закате Средневековья, отмечал, что на смену «...некоторой универсализации воина XIV–XV вв.», в ходе которой грань между конным лучником и копейщиком постепенно стерлась и конный воин овладел искусством использования всеми видами наступательного вооружения, в конце XV в. приходит «*ориентализация*» («*вместо копейщиков действует сабельная кавалерия*»)¹. При этом видный оружейевед подчеркивал, что пресловутая «*ориентализация*» — достаточно позднее явление (и в целом, как следует из контекста соответствующих разделов его работы, имевшее негативные последствия). При этом, что любопытно, историк полагал, что запуск «*ориентализации*» по времени совпал с «*победной весной*», освобождением от ордынской зависимости и существенным усложнением решаемых на новом этапе развития государственности военно-политических задач². Касаясь же ее непосредственных причин, А. Н. Кирпичников указывал, что этот процесс как «...*приток в войско (русское. — В.П.) восточных элементов связан с начавшейся борьбой с Крымским ханством и растущим участием в московском войске живущих у южной границы татар*»³.

Таким образом, сорок с небольшим лет назад в научный оборот для обозначения процесса серьезных перемен в русском военном деле позднего Средневековья — раннего Нового времени был запущен термин «*ориентализация*». А. Н. Кирпичников обозначил при-

мерные временные рамки начала этих перемен, указал на наиболее существенные причины запуска изменений и на внешние его признаки (хотя, забегая вперед, в его объяснениях присутствует внутренняя противоречивость). Не избалованный военно-исторической литературой отечественный читатель воспринял эту концепцию с воодушевлением, а в научном сообществе авторитет А. Н. Кирпичникова оказался достаточным, чтобы концепция «*ориентализации*» была воспринята как аксиома (в свое время отдал дань уважения ей и автор этих строк).

В 2008 г. О. В. Двуреченский защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV — начало XVII века)», которая была опубликована в 2015 г.⁴ Ученик А. Н. Кирпичникова, О. В. Двуреченский затронул в своем исследовании проблему «*ориентализации*», высказав ряд оригинальных суждений, дополняющих и развивающих концепцию наставника. Прежде всего, по мнению исследователя, под «*ориентализацией*» необходимо понимать «...возникновение на базе комплекса вооружения удельного времени XIII — первой половины XV века совершенно новой военной традиции и образование нового комплекса вооружения»⁵. При этом, подчеркивал О. В. Двуреченский, «проблемными остаются не только причины зарождения этой тенденции в развитии военного дела, но и время их появления». Более того, развивал свой тезис далее историк, при анализе «*ориентализации*» «...возникает масса вопросов частного содержания», а именно: «*Какие конкретно причины и события могли толкнуть к этой перемене? Была ли фиксируемая смена в комплексе вооружения революционно или это был постепенный и длительный процесс, как реакция на давно сложившиеся причины?*»⁶. Но самый главный вопрос, который озвучил впервые А. Н. Кирпичников и развил О. В. Двуреченский, звучал так: «*Что ж должно было произойти на протяжении второй половины XV века, когда один из основных континентов в составе войска (русского.— В.П.) — служилое великокняжеское „ополчение“ — претерпевает кардинальное изменение в комплексе вооружения, тактике и стратегии?*». И это при том, подчеркивал исследователь, что «...ни монгольское нашествие, ни ордынское господство не привели к этому», а «...комплекс вооружения и военное искусство, описанные выше (сложившиеся в удельный

период. — В.П.), *позволили разгромить полки Мамаю в битве на Воже и в Донском побоище*. И тем более неожиданным, по мнению автора, выглядит «неожиданный» переход русской конницы на «восточный» комплекс вооружения (и соответствующую тактику и стратегию)⁷.

Поставив вопрос, О.В. Двуреченский попробовал дать на него ответ. По его мнению, механизм «ориентализации» был запущен процессами политической дезинтеграции Золотой Орды, которые способствовали росту военной напряженности на русско-ордынском пограничье, а также серией поражений русских ратей от татар в 1437–1445 гг. и, возможно, появлением на службе русских князей (прежде всего московских) многочисленных татарских отрядов. *«Можно предположить, — продолжал историк, — что целый ряд факторов, таких как складывание новых геополитических условий, экономический рост Московского княжества, появление при дворе значительной прослойки татарской знати, осознание реальной опасности новых военных противников на периферийных территориях Золотой Орды в виде таких образований, как Казанское и Крымское ханства, делало насущным выработку адекватных мер по нейтрализации новой опасности, что привело к общей эволюции русского военного дела в сторону ориентализации»*⁸. Завершение же «ориентализации» О.В. Двуреченский связал с процессами становления и развития институтов единого Русского государства, в т.ч. и военных. Высшей точкой развития последних, по мнению исследователя, стали т.н. «военные реформы» Ивана Грозного⁹.

Резюмируя свой анализ тенденций развития русского военного дела эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени, в заключении О.В. Двуреченский отмечал: *«Образование единого централизованного Московского государства протекало в условиях сложившейся угрозы со стороны Ордынского государства как главного военно-политического противника. Развал Золотой Орды, и общая восточноевропейская децентрализация выдвинули на политическую сцену новые независимые и зачастую противостоящие Московской Руси политические образования. Последнее играло важнейшую роль в формировании того специфического ориентализирующего комплекса вооружения вообще и комплекса наступательного оружия, в частности. Как следствие — складывание особой военной традиции, отличавшейся*

русское воинство не только от геополитических соседей, окружавших Русское государство, но и от основных составляющих русской военной традиции предшествующей эпохи»¹⁰.

Мы не случайно уделили столь значительное внимание исследованию О. В. Двуреченского и его концепции «*ориентализации*», поскольку, если А. Н. Кирпичников только наметил ее контуры, то О. В. Двуреченский придал ей определенную законченность и целостность. И еще одно важное обстоятельство — появление исследования О. В. Двуреченского (наряду с публикацией несколькими месяцами ранее работы О. В. Шиндлера о смене доспешной «*моды*» на Руси¹¹) неожиданно стало толчком, который запустил обсуждение проблемы «*ориентализации*» сперва в Интернете, а затем на страницах военно-исторического электронного периодического издания «История военного дела: исследования и источники»¹².

В процессе этого обсуждения был высказан ряд интересных соображений и сделан ряд не менее любопытных наблюдений, и тем не менее, на наш взгляд, проблема остается еще весьма далекой от разрешения. Почему? Попробуем сформулировать свой ответ на этот и ряд других, связанных с «*ориентализацией*», ее генезисом и последующим развитием, вопросов.

Для начала обозначим тот круг проблем, которые, на наш взгляд, являются первостепенными и от изучения которых зависит ответ на вопрос о причинах и сущности «*ориентализации*». Прежде всего, необходимо разобраться с самой сутью «*ориентализации*», что она из себя представляла, определившись при этом с хронологией процесса. Затем, что не менее, если не более важно — определиться с состоянием источников, дав характеристику основных их групп и определить эвристический потенциал каждой из них. Далее О. В. Двуреченский писал, что «...военное дело, военная организация общества и государства, комплекс вооружения формируются под влиянием таких внутренних факторов, как социально-экономические и культурные возможности государственного образования определяются общественно-политическими и внешнеполитическими целями и задачами, стоящими перед государством и обществом. Следует отметить, что значительное влияние оказывает и внешний фактор. В зависимости от противной стороны меняются и эволюционируют военное

искусство и комплекс вооружения»¹³. Следовательно, анализируя «*ориентализацию*» как феномен, мы должны рассматривать ее, поместив в конкретный общеисторический (и прежде всего военно-политический) контекст, не забывая при этом про социальную и экономическую составляющие. И, рассматривая «*ориентализацию*» в широком историческом контексте, мы сможем в таком случае сформулировать ответ на вопрос, что это — революционное изменение или же перед нами некая постепенная эволюция, приспособление хорошо известных институтов военного дела под новые внешние и внутренние условия и требования.

При этом не стоит забывать о том, что ситуация с «*ориентализацией*» отличается от классической ситуации с «черным ящиком» тем, что если предположить, что нам более или менее понятно, что получилось на выходе, то не совсем понятно то, что было на входе¹⁴. Это обстоятельство еще более запутывает картину происходивших в русском военном деле позднего Средневековья — раннего Нового времени перемен. Впрочем, это и неудивительно, принимая во внимание крайне неудовлетворительное состояние источников — неважно, касается ли это текстов, изобразительных или археологических памятников. Актовые материалы, в которых более или менее подробно фиксируется внешний вид русского всадника, появляются фактически только в эпоху Василия III, летописные свидетельства и показания иностранных наблюдателей ненадежны в силу особенностей такого рода источников (субъективизм и оценках, зависимость от литературных стереотипов и штампов и пр.), художественные памятники также не могут служить достоверным источником, поскольку они в еще большей степени, чем исторический нарратив, зависимы от традиции. Археологические же материалы для интересующего нас периода слишком разрозненны и к тому же не могут быть уверенно и с высокой степенью точности датированы.

Начнем с главного — с определения. Четкого и однозначного определения «*ориентализации*» в отечественной военно-исторической литературе нет. Удивляться этому не приходится, поскольку само явление не изучено в должной степени и среди исследователей нет четкого представления относительно того, о чем необходимо вести речь. Как правило, суть «*ориентализации*» сводится к смене «*доспешной моды*»

и отказу от меча, копья и щита в пользу саадака и сабли, и лишь небольшое рассматривают перемены в более широком контексте¹⁵. Мы совершенно убеждены в том, что рассматривать смену *«доспешной моды»*, основного наступательного вооружения русской конницы и соответствующего переворота в ее тактике нельзя в отрыве от тех изменений, что происходили в Русской земле во второй половине XV — середине XVI вв. Вне зависимости от того, где мы расположим отправную точку *«ориентализации»*, конец ее как процесса определяется достаточно уверенно — это середина XVI в., время т.н. «реформ Ивана Грозного» (в том числе и «реформ» военных). И поскольку очевидно, что *«ориентализация»* началась в XV в. (можно лишь спорить, когда именно, в какой его части — в начале, в середине или же во второй половине), то нетрудно прийти к заключению, что *«ориентализация»* совпала по времени, с одной стороны, со складыванием единого Русского государства (единого прежде всего в военном смысле, а затем в политическом, юридическом, социальном, культурном и экономическом), а с другой — с процессами т.н. «военной» («пороховой») революции, вызванной внедрением в военный обиход и практику пороха и огнестрельного оружия с последующим его широким распространением.

Но есть еще и третья сторона, о которой, на наш взгляд, ни в коем случае не стоит забывать. Она связана с внешнеполитическими процессами позднего Средневековья — раннего Нового времени, в которые было втянуто молодое Русское государство. Речь идет в первую очередь о коренном изменении расстановки сил на политической арене Восточной и Юго-Восточной Европы. Распад Золотой Орды (и образовавшийся в результате этого геополитический вакуум) и возникновение могущественной Османской империи (практически совпавшие по времени) разом переменили политическую ситуацию в регионе и поставили вопрос о том, кто будет доминировать в формирующемся новом политическом ландшафте¹⁶. И, естественно, итоги этого «тендера» фактически должны были определиться в результате соревнования военно-политических и социально-экономических моделей, заявленных на «конкурс».

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить следующее. Во-первых, не вызывает сомнений, что *«ориентализация»* связана (и обусловлена) с процессом «военной» («пороховой») революции

и обострением внешнеполитической конкуренции в Восточной и Юго-Восточной Европе в эпоху позднего Средневековья — раннего Нового времени. Во-вторых, «ориентализация» русского военного дела была вызвана (и стала возможной) благодаря образованию и развитию единого Русского государства. В-третьих, «ориентализация», на наш взгляд, может и должна рассматриваться и определяться в двух аспектах — широком, как часть смены модели военного строительства Русского государства в целом (условно «восточноевропейской», «универсальной» на «западномусульманскую», «османскую»), и узком — именно как процесс замены одного комплекса вооружения русской конницы (условно «универсальный», по определению А. Н. Кирпичникова¹⁷) на другой («русско-мусульманский» или «переднеазиатский», по терминологии Л. А. Боброва¹⁸, сориентированный прежде всего на «лучный бой»).

Исходя из этого, хронологические рамки процесса «ориентализации» можно определить как 2-ю пол. XV в. (ускорение процессов формирования единого Русского государства, «военная» его централизация, начало перемен в военной и социальной сферах) — середины XVI в. (момент, когда в результате военных «реформ» Ивана Грозного завершается складывание «классической» московской военной машины). Естественно, что началу «ориентализации» предшествовал долгий подготовительный процесс, который предопределил и ее ход, и ее характерные черты. На некоторых спорных вопросах этого подготовительного периода стоит остановиться несколько подробнее.

Прежде всего речь пойдет об «универсальной» модели развития как русского военного дела, так и комплекса вооружения русской конницы, наступательного и оборонительного. С легкой руки А. Н. Кирпичникова и Б. А. Рыбакова¹⁹ в отечественной историографии утвердилось мнение, что период с середины XIII по конец XV вв. был «... периодом сбережения блестящих технических достижений домонгольской Руси». В это время «... военные традиции великой европейской страны сохранились и были приумножены в период, когда под угрозой было поставлено само существование народа»²⁰. Принимая эту схему в целом, мы полагаем, что в нее необходимо внести серьезные коррективы.

Памятуя о взаимосвязи между уровнем развития военного дела и общим уровнем социально-экономического развития общества («Ничто так не зависит от экономических условий, — как писал

немодный ныне классик,— как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не „свободное творчество ума“ гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам...»²¹), обратим внимание на любопытное наблюдение, сделанное Н. А. Макаровым. Он писал, что «...русское общество еще в первой половине XIII в. вступило в фазу глубоких внутренних трансформаций, затронувших самые различные стороны его жизни», следовательно, и военную сферу. Но это еще не все. Этот кризис, по мнению археолога, был обусловлен в первую очередь тем, что «...материальные и природные ресурсы, послужившие основой для стремительного подъема Древней Руси в X–XII вв., к XIII в. оказались во многом исчерпаны, а стереотипы хозяйствования и социальные механизмы, ранее обеспечивавшие рост, потеряли свою эффективность. Сокращение объемов дальней торговли, изменение традиционных форм сельского населения, вынужденный переход значительной части населения к более скромному потреблению — лишь некоторые симптомы этого состояния. Разрушительный монгольский удар, хронологически совпавший с периодом внутренних исторических сдвигов, обострил и ускорил их течение, но не был единственной причиной ... трансформаций»²².

Если речь заходит о глубоком социально-экономическом кризисе, повлекшем за собою кризис политический, а, значит, и военный, и если в основе всех этих проблем желали глубинные, объективные процессы, связанные с разрушением и трансформацией того базиса, на котором выстраивалось величественное здание древней Руси, то тогда следует иначе взглянуть и на процессы развития русского военного дела. Когда А. Н. Кирпичников и Б. А. Рыбаков говорят о некоем «сбережении» старой военной традиции и всего, что с нею связано, то стоит ли трактовать этот пассаж иначе? На наш взгляд, ответ на данный вопрос может быть только утвердительным. Сужение экономической базы русских княжеств постмонгольской эпохи, вызванное как внутренней перестройкой (включая сюда не только смену экономической модели,

аграризацию и архаизацию хозяйства, но и дальнейшую политическую децентрализацию и дробление на все новые и новые уделы), так и последствиями вторжения и установления ордынского господства, неизбежно вело к сокращению ресурсов, которые могли быть выделены на развитие военного дела. И в таком свете «сбережение» старой традиции уже не «доблесть», а вынужденная мера, продиктованная нехваткой средств и определенной изоляцией от общеевропейского вектора развития военного дела. И отмечаемый рост значения пехоты (достаточно спорный, кстати), и «универсализация» конницы, на наш взгляд, также связаны с этим сужением экономического базиса. Пехота стоит существенно дешевле, нежели конница, и нарастить численность войска за ее счет проще и менее затратно, чем увеличивать количество конных ратников.

Точно так же обстоят дела и с «универсализацией» конницы. В первом приближении можно сказать, что старая модель военного строительства, доминировавшая в домонгольской Руси, была сориентирована на преимущественное развитие все же тяжелой дружинной конницы (немногочисленной, кстати, в силу скудного экономического базиса), доспехи и оружие которой были «заточены» на ближний бой. Собственно русские *«стрельцы»* также были относительно немногочисленны²³, но их нехватка компенсировалась за счет привлечения на службу кочевников — *«своих поганых»* или наемников. Однако в изменившихся условиях обедневшие русские князья, не имея достаточных материальных ресурсов и не располагая возможностью привлекать, как и прежде, на службу сколько-нибудь значительные контингенты легкой кочевой конницы²⁴, поневоле были вынуждены «универсализировать» свои дворы. «Универсальный» всадник, способный биться как *«копейным боем»*, так и *«лучным»*, обходился дешевле и в изменившихся условиях был более эффективным, нежели специализированные *«снастные»* всадники и *«стрельцы»*.

Отметим и еще одно обстоятельство. О. В. Двуреченский, как уже было указано выше, поставил вопрос (и дал на него ответ) — как получилось так, что могущественная монгольская военная организация практически никак не повлияла на русскую военную традицию. Осмелимся предложить еще один вариант ответа на этот вопрос. Загипнотизированные успехами Чингис-хана и его преемников историки

Нового времени автоматически распространили монгольские реалии на всю территорию Империи, тогда как отдельные ее улусы порой довольно сильно отличались друг от друга. Джучиев улус изначально включал в себя только 4 монгольских «тысячи»²⁵, а основу населения и войска составляли покоренные народы — прежде всего тюркоязычные кочевники (преимущественно половцы-куманы)²⁶. Половцы же для русских были старым и хорошо знакомым противником — перенимать у них русским было нечего²⁷. Другое дело привнесенные монголами новшества и преподанные русским князьям и воеводам уроки, но они касались в первую очередь стратегии, организации и дисциплины. И для того, чтобы усвоить эти уроки и применить полученные кровавой ценой знания на практике, нужно было изменить саму политическую систему Русской земли, а в XIII и на протяжении практически всего XIV и первой половине XV в. условия для этого еще только создавались. Пока же русские князья, встроившись в золотоордынскую систему политических отношений, не имели ни необходимых ресурсов, ни особого желания применять опыт ордынского «менеджмента», а значит, не было и условий для каких-либо существенных перемен, в т.ч. и в военной сфере.

Ситуация начинает меняться с середины XIV в., когда Золотая Орда сильнейшим образом пострадала от эпидемии чумы и погрузилась в пучину усобицы — «великую замаятню». Начавшийся процесс политической дезинтеграции и связанного с нею ослабления экономической и военной мощи Орды способствовал сперва усилению Великого княжества Литовского, которое при великом князе Ольгерде перешло к политике активной внешней экспансии и поглощению западных и юго-западных русских земель, а затем и политической централизации Великого Владимирского княжества, где к концу XIV в. безусловное доминирование завоевало Московское княжество. Естественно, политические успехи что литовских Гедиминовичей, что московских Калитичей были бы немыслимы без усиления военной мощи Литвы и Москвы. При этом базис военного строительства по обе стороны русско-литовской границы был практически один и тот же — и тут и там в основе лежала старая русская доордынская военная традиция (Великое княжество Литовское по праву может быть названо «*другой Русью*», ибо большую и наиболее развитую часть владений Ольгерда

и его преемников составляли именно русские земли). Этим и объясняется, на наш взгляд, то, что решение проблем, встававших на пути военного строительства, было схожим (но до поры до времени), с тем лишь отличием, что Литва вступила на этот путь несколько раньше (примерно на полсотни или несколько больше лет), чем Москва. Это форой и позволила Гедиминовичам на первых порах добиться больших успехов, чем Калитичам.

Речь в данном случае идет о том, что мы назвали бы «реновацией» старой модели военного строительства, существовавшей в докризисные времена и до Батыева вторжения. Политический кризис и дезинтеграция Золотой Орды способствовали тому, что сперва у литовских великих князей, а затем и у московских появилась возможность принятия к себе на службу татарских «царевичей», «князей» и мирз. Тем самым снова, как и двести лет назад, появляются «свои поганые», лучше подготовленные действовать в качестве легкой конницы, нежели «универсальные» всадники русских земель. И если в XII — начале XIII вв. широкое использование русскими князьями кочевнической легкой конницы не повлекло за собой коренных перемен в вооружении и тактике русских ратей, то почему сейчас, в конце XIV — начале XV вв. появление на русской службе татарской знати со своими «дворами» должно было повлечь коренную (sic!) «реформу» (понимая под нею целенаправленное, осознанное изменение неких важных сторон деятельности того или иного института)? При этом стоит отметить, что и сама численность татарских отрядов на русской службе была невелика — обычно несколько сот человек²⁸. Примерно такой же, кстати, была и численность татар на службе великих князей литовских. Так, перепись литовского войска 1528 г. дает нам цифру в 656 «коней» служилых татар²⁹. Могли ли столь малочисленные отряды оказать сколько-нибудь существенное влияние на развитие как русского, так и литовского войска в первой половине XV в.? Ответ представляется очевидным, тем более если принять во внимание определенную конфессиональную неприязнь к пришельцам со стороны русских служилых людей. И вряд ли может быть существенным аргументом в пользу татарского влияния при дворе московских князей серия неудач, которую потерпел Василий II и его союзники от Улуг-Мухаммеда и его сыновей в 1437–1445 гг. — прежде русские терпели неудачи

от ордынцев и более масштабные, однако же это не запускало в действие механизмы «ориентализации».

Развивая дальше поднятую тему, приведем еще одну цитату из исследования О. В. Двуреченского. Он писал, что возобновившиеся после смерти эмира Идигу процессы политической дестабилизации Золотой Орды способствовали тому, что «...на смену крупным имперским армиям, комплектовавшимся со всей территории Золотой Орды, потенциально способным одним походом охватить весь северо-восток Руси, приходят воинские формирования, группировавшиеся вокруг отдельных претендующих на ханский титул чингизидов и прочих представителей татарской знати, целью которых становятся как междоусобная борьба, так и захват добычи на локальной территории удельных русских княжеств». В результате, продолжал свою мысль исследователь, «...разрозненный и малопредсказуемый, но все еще грозный противник лишь со второй четверти XV века становится постоянной и самой угрожающей военной силой для крепнувших русских княжеств»³⁰.

Формально все выглядит именно так, однако сошлемся на мнение автора справочника «Русско-ордынские конфликты XIII — XV веков» Ю. В. Селезнева. Он отмечал, что действительно, обострение политического кризиса в Орде в эпоху «великой замятни» и позднее, после смерти Идигу (вторая четверть XV в.) ознаменовалось резким ростом нападений татар. Однако при этом, подчеркивал историк, «...наиболее часто подвергаются нападению пограничные земли с Ордой — Рязанское, Нижегородское и Новосильское княжества и их уделы». При этом после Батыева нашествия военные конфликты между Русью и Ордой не были столь масштабны и разрушительны и по большей части носили кратковременный характер охоты за добычей³¹. Действительно, даже если взять печальной памяти для русских 1445 г., когда под Суздалем татарскими «царевичами» Махмудом и Якубом был разбит и полонен сам великий князь московский и владимирский Василий II, то в этой битве участвовали, если верить источникам, всего лишь 3,5 тыс. татарских воинов³². При этом, по летописным свидетельствам около 2 тыс. всадников, сражавшихся на стороне «царевичей», пришли к Улуг-Мухаммеду незадолго до сражения «из Черкасы», а «двор» самого Махмуда как казанского «царя» составлял около 700 бойцов³³.

И этот конфликт может считаться достаточно крупным и серьезным, особенно по сравнению с набегами, которые предпринимали отдельные «царевичи» и мирзы. На фоне туменов Батыя и его братьев, насчитывавших десятки тысяч всадников, военные акции подобного рода при всей их болезненности были не более чем комариными укусами, к тому же еще и имевшими локальный характер. И если уж вторжение Батыя не повлекло за собой радикальных перемен в военном деле, то почему эти изменения должны были последовать в результате подобных набегов?

Здесь стоит обратить внимание и на такой аспект русско-татарских отношений (впрочем, только ли русско-татарских?). В последнем исследовании по истории русско-ливонских отношений во второй половине XV в. М. Б. Бессуднова отмечала, что особые условия на русско-ливонском «фронтире» (малая плотность населения, сложный ландшафт, схожие типы хозяйствования и пр.) способствовали тому, что «...пограничные территории являлись пространством совместного использования и, как следствие, объектом обоюдных притязаний». И в условиях, когда линейной границы между государствами как таковой не существовало, а налицо были «мигрирующие географические зоны», это неизбежно вело к пограничным конфликтам местных *warlord'*ов и общин. «Малая война», молниеносные взаимные набеги, за добычей и ответные карательные, были на «фронтире» печальной обыденностью³⁴, причем, как показывает опыт соседства литовских пограничных *warlord'*ов с теми же крымским татарами — например, того же черкасского старосты О. Дашковича³⁵, — и татарам крепко доставалось от русских «казаков» и прочей пограничной вольницы. «Приходят казаки в[ашей] м[илости] черкасские и каневские, и становятся под улусы нашими на Днепре, и шкоды чинят нашим людям...», — писал крымский хан Сахиб-Гирей I великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду I вскоре после того, как стал «царем»³⁶.

В подобной обстановке, когда решающую роль играли столь ценные в условиях «малой войны» качества, как легкость на подъем, скорость, маневренность, быстрота реакции, легкая конница приобретала особое значение в силу своей более высокой эффективности и приспособленности именно к такого рода боевым действиям. Однако, подчеркнем это еще раз, пограничные конфликты и набеги — это комариные укусы,

не затрагивающие, как правило, глубинных волостей и уездов, а значит, отражение действий немногочисленных неприятельских отрядов — обязанность пограничных *warlord*'ов и их отрядов, но никак не основной массы «бояр».

«Разрозненный и малопредсказуемый» противник в лице татарских *warlord*'ов, неважно, на чьей службе они находились — русской ли, литовской ли или же на службе татарских же династов, возглавивших образовавшиеся на месте рухнувшей Золотой Орды улусы, — такой неприятель, каким бы умелым он не был, не мог, на наш взгляд, претендовать на роль триггера, запустившего механизмы «ориентализации». Слишком уж в «легком весе» он находился. Для небольшого удельного княжества, например, Елецкого, какой-нибудь татарский «царевич» или эмир, имеющий в своем распоряжении несколько сотен верных нукеров, быть может, и мог быть опасным и серьезным противником (равные «весовые категории»). Но против таких титанов с усиливающейся центральной властью, как великое княжество Литовское или Московское, что мог сделать тот же Махмуд со своими семьями всадниками?

Но, быть может, тогда подобным триггером стала опасность со стороны тех самых новых татарских «юртов» — Крыма, Казани, Ногайской Орды? И А. Н. Кирпичников, и О. В. Двуреченский полагали, что да, эта угроза стала одним из важнейших факторов, обусловивших «ориентализацию» русской конницы. Но здесь есть два «но». Если исходить из классического определения хронологических рамок «ориентализации», то она, начавшись в конце XV в., уже в первой четверти следующего столетия приобретает более или менее завершенные формы. Достаточно вспомнить классическое (и потом исправно перекочевывавшее из одного сочинения в другое — что в XVI в., что сегодня) описание московитского всадника, принадлежащее перу С. Герберштейна. Однако если мы обратим внимание на характер отношений Москвы с Крымом и Казанью в это время, то нетрудно заметить, что в последней четверти XV — нач. XVI вв., при Иване III, Крым был союзником Москвы, а Казань находилась под ее жестким контролем. Да и при Василии III, когда отношения с Крымом перешли в стадию «холодной войны», равно как и отношения с Казанью, нельзя сказать, что угроза со стороны двух этих юртов носила настолько серьезный

характер, что в Москве больше ни о чем не думали, кроме как о противостоянии с крымцами и казанцами. Безусловно, опасность с их стороны была — достаточно вспомнить русско-казанское «розмирье» 1505–1507 гг. и поход Мухаммед-Гирея I на Москву в 1521 г., но это не тот случай, когда нужно кардинально перестраивать всю военную машину и принципы, на которых она создавалась и эволюционировала. Проблемы начинаются много позднее, в конце 30-х — начале 40-х гг. XVI в., в эпоху междоусобия и «*боярского правления*», но к тому времени, если верить Герберштейну и актовым материалам³⁷, «*ориентализация*» русской конницы (хотя бы в области смены «*доспешной моды*») уже свершившийся факт.

Развивая эту тему дальше, отметим, что в последней четверти XV в. и вплоть до начала 30-х гг. XVI вв. главным и основным направлением русской внешней политики было западное, «литовское». Сюда были направлены взоры московских великих князей, здесь была точка приложения сил — дипломатических и военных, и все внешнеполитические усилия Москвы были нацелены в это время на то, чтобы создать максимально благоприятные условия для борьбы за «*Ярославово наследие*». С 1487 и по 1522 гг. Москва практически «*безперестани*» воюет с Вильно, и это не говоря о непрерывной «*малой войне*» на русско-литовском «*фронтире*» (впрочем, начавшейся задолго до этого). И, поскольку Великое княжество Литовское было главным противником Москвы все эти годы (подчеркнем, именно тогда складывается, если верить нарративным источникам, хрестоматийный образ русского конного воина, практически ничем не отличающегося от того же татарина или турка), то и русское войско, его внешний облик и тактика должны были приспособиться к характеру главного противника — литовцев.

Но вот что любопытно. С одной стороны, Литва большую часть этого времени ведет войну на два фронта — и против Москвы, и против Крыма (Менгли-Гирей I, фактический основатель Крымского ханства, был другом и союзником Ивана III). Логичным было предположить, согласно концепции А. Н. Кирпичникова и О. В. Двуреченского, что и литовское войско (и конница непременно) должно было в эти десятилетия «*ориентализироваться*», став аналогом русского или татарского. Все основания для этого были налицо — и аналогичные

стартовые позиции (кстати, напомним, что Большая Орда до самого своего падения оставалась союзником Великого княжества Литовского), и наличие реальной, а не иллюзорной, татарской угрозы. Однако что мы наблюдаем на самом деле? Возьмем к примеру, известную перепись литовского войска 1528 г. (sic!). В ней четко и недвусмысленно указывается, что согласно установленному на великом вальном сейме «нормативам» к «обороне земской» «...хто-кольвек мает людеи своих в выменах своих, тот повинен с кожъдых осми служоб людеи ставити пахолка на добром кони во зброи, з дровом, с прапором, на котором был бы панъцер, прыльбица, меч або корд, сукна цвѣтная, навеза и остроги две»³⁸. Конечно, перемены в устройстве литовского войска в эти десятилетия видны — здесь и все более и более широкое использование наемников (как пеших, так и конных), и некая «балканизация» конницы за счет привлечения на великокняжескую службу первой генерации гусар и др. Но нет главного признака «ориентализации» — не только и не столько переоснащения основной массы всадников на «русско-мусульманский» тип доспеха, сколько, что самое главное, массового перевооружения ее с комплекта «меч-копье-щит» на комплект «саадак-сабля».

Подчеркнем еще раз — основная масса литовской конницы в первой четверти XVI в., после того, как она на протяжении полувека непрерывно воюет с татарами и «ориентализированной» московской конницей, продолжает довольствоваться дедовским набором «зброи» и оружия. И это при том, что и татары, и москвиты в своих рейдах регулярно проникают в самое сердце Великого Литовского княжества и разоряют ближние окрестности самой столицы. Чисто теоретически литовская конница (и уж во всяком случае большая ее часть) раньше и быстрее, и существенно раньше, чем московская, должна была «ориентализироваться», тем более, если стартовые условия и у литовцев, и у москвитов были примерно одни и те же. Однако мы этого не наблюдаем. Значит, можно уверенно предположить, что вовсе не татарская угроза или татарский же пример стала тем толчком³⁹, который запустил механизм «ориентализации» в «московской» Руси. И сам по себе этот процесс не настолько однозначен и «прозрачен», как может показаться на первый взгляд при некритическом восприятии данных нарративных источников. Даже, казалось бы, такие хрестоматийные случаи,

которые как будто выступают наглядными подтверждениями ранней «ориентализации» московской конницы, как летописные описания сражений на окраинах Руси зимой 1456 г. и на р. Шелонь в 1471 г.⁴⁰, при пристальном рассмотрении вызывают определенные сомнения. Ведь и в том и в другом случае речь идет о столкновениях главных сил Новгородской «республики» с московской «изгонной», «лехкой» ратью, в составе которой действовали и служилые татары. И совсем неясно, как бы разворачивались события, каким бы был тактический рисунок битвы, если бы в бой вступили главные силы великого князя и его вассалов, и, кстати, какой бы была картина битвы в описаниях летописцев.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что, по нашему мнению, «классическая» картина «ориентализации» русского военного дела и «классические» же доводы, приводимые в защиту именно такой трактовки этого процесса, не представляются убедительными настолько, чтобы принять их без возражений. Ответ на вопрос: где, когда и почему началась «ориентализация» русского военного дела, нужно искать в иной плоскости. При этом необходимо учитывать, что имеющиеся в нашем распоряжении источники, во-первых, не могут быть надежным подспорьем в поиске ответов на поставленные вопросы в силу их недостаточности и противоречивости; во-вторых, буквальное прочтение их, без учета контекста и особенностей источника, способно только затемнить проблему и привести к поспешным и неверным выводам.

В качестве рабочей гипотезы мы бы выдвинули следующие тезисы. «Ориентализация» русского военного дела (в широком смысле) — процесс, который растянулся примерно на сто лет, с сер. XV в по сер. XVI в.⁴¹ Этот процесс оказался тесно связан (и во многом обусловлен) с двумя важнейшими событиями в истории России — формированием единого Русского государства (в котором, подчеркнем это еще раз, военная централизация наступила существенно раньше политической и экономической) и процессами военной («пороховой») революции. Объединение под властью московского великого князя, властью не номинальной, как это было прежде, но реальной, дало в руки великокняжеской власти ресурсы, существенно большие, чем прежде, что позволило им проводить более активную и масштабную внешнюю политику (которая относилась к «делу государеву»). Соответствующим образом меняется и стратегия — на смену небольшим,

кратковременным и локальным по пространственному размаху кампаниям приходят масштабные, длящиеся по несколько месяцев и охватывающие сотни км военные походы, причем порой на отстоящих друг от друга на десятки и сотни верст направлениях.

Экспансионистская внешняя политика потребовала наращивания военного потенциала, однако слабообразованная, аграрная экономика и отсутствие мощной сырьевой базы накладывала естественные ограничения на него. Но иного выхода не было, ибо в силу особенностей геополитического и геостратегического положения молодого Русского государства (огромная протяженность границы, слабая заселенность территории, неразвитая инфраструктура и др.) значительная армия являлась жизненной необходимостью. Выход был найден в развитии поместной системы и постепенном, «ползучем» перевооружении основного рода войск, конницы, на новый комплекс наступательного и оборонительного вооружения. Почему «ползучее» — с одной стороны, государство все же не обладало достаточным административным ресурсом, чтобы в обязательном порядке перевооружить десятки тысяч служивых людей на более или менее «стандартизированный» комплект вооружения, а с другой стороны — русское ремесленное производство было не настолько высокоразвито, чтобы быстро, в короткие сроки обеспечить войско необходимым количеством доспехов и оружия. Кроме того, сами по себе поместья (да и вотчины) не позволяли их владельцам в короткие сроки обновить свою *«оружность»*⁴², тем более что дети боярские и дворяне должны были перевооружить еще и своих послужильцев. Сомнительным представляется возможность налаживания русскими ремесленниками производства в больших количествах сплошного «белого» доспеха, требовавшего новых, отличных от прежних, навыков работы и культуры производства. Импорт западного вооружения носил ограниченный характер, да и стоило оно дорого (в том, что он был, сомневаться в принципе не приходится — акты ливонских ландтагов, воспрещавшие экспорт современного западноевропейского вооружения, говорят в пользу такого предположения⁴³), тогда как восточное, судя по всему, было более доступным.

Еще одно соображение: в изменившихся условиях конное войско было предпочтительнее, так как обладало большей подвижностью и способностью покрывать за короткое время большие расстояния,

чем пехота. Однако возможности собственно русского коневодства не позволяли рассчитывать на пополнение конского поголовья в нужном количестве и нужного качества, закупки хороших коней в той же Ливонии были ограничены (по аналогичной причине, что и ввоз оружия — ливонские ландскнехты крайне неохотно смотрели на это и регулярно воспрещали поставки коней в русские земли). Проще оказалось договориться с теми же ногайским «князьями» и мирзами, которые в обмен на русские товары были готовы пригонять на продажу тысячные табуны выносливых, но, увы, малорослых татарских лошадей.

В сумме все эти условия способствовали постепенному переходу русского войска на новые организационные принципы и новый комплекс вооружения с соответствующим изменением тактики. Необходимость же подготовки масс конных лучников ускорила профессионализацию войска и соответствующие перемены в социальной структуре общества. И еще одно обстоятельство, связанное с этим — ценность каждого профессионального конного воина-лучника была достаточно высока, чтобы рассматривать детей боярских как расходный материал, который можно бездумно расходовать в генеральных сражениях и легко пополнить их поредевшие ряды после «кровавого пира». Эти соображения, явные или неявные, способствовали складыванию традиции уклонения от «прямого дела» и упору на ведение «малой войны», в которой легкая конница была более эффективна, нежели тяжелая или даже «универсальная».

Еще раз подчеркнем — мы не считаем татарское влияние, в чем бы оно ни проявлялось, определяющим фактором в «ориентализации» русского военного дела. «Малая война» на русско-татарском «фронтире» в силу своей незначительности не могла повлиять на тотальное перевооружение русской конницы и ее тотальное же переобучение. Другое дело — полномасштабная война, но она начнется существенно позже, в сер. XVI в., когда «ориентализация» как в широком, так и в узком смыслах находилась на завершающей стадии.

Ссылки

¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. — Л., 1976. — С. 14, 101.

² Там же. — С. 101.

³ Там же. — С. 99–100.

⁴ Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVI вв. — Тула, 2015.

⁵ Там же. — С. 287.

⁶ Там же. — С. 287.

⁷ Там же. — С. 294.

⁸ Там же. — С. 296–297.

⁹ Там же. — С. 303–305.

¹⁰ Там же. — С. 310.

¹¹ См.: Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 72–97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

¹² См.: Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 594–612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Несин М. А. Ответ на замечания Быкова А. В. изложенные в статье «Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»» и отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 614–652 <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).

Комаров О. В. Отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. II. — С. 654–676 <http://www.milhist.info/2016/12/12/komarov_3> (12.12.2016).

Панкратов А. Г. К развернувшейся дискуссии после выхода статьи О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV века» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. III. — С. 678–703 <<http://www.milhist.info/2017/01/24/pankratov>> (24.01.2017).

Бузденков Д. Е. К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480–2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. III. — С. 706–737 <<http://www.milhist.info/2017/03/14/byzdenkov>> (14.03.2017).

Кулешов Ю. А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, 2-я половина XV — первая половина XVI вв. Постановка вопроса. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., Панкратова А. Г., Бузденкова Д. Е. опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480–2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. III. — С. 740–766 <<http://www.milhist.info/2017/04/11/kyleshov>> (11.04.2017).

¹³ Двуреченский О. В. Холодное оружие... — С. 294.

¹⁴ Любопытные соображения по этому поводу высказал Ю.А. Кулешов. См.: Кулешов Ю. А. К вопросу о доспешной моде... — С. 740–766.

¹⁵ См.: Комаров О. В. Отзыв на статью Шиндлера... — С. 655.

¹⁶ Любопытные аналогии напрашиваются, если сравнить то, что происходило после распада Золотой Орды в Восточной Европе с теми военно-политическими процессами, которые имели место в Центральной Азии и Южной Сибири после падения в Китае династии Юань. См.: Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. — СПб., 2008. — С. 10, 13.

¹⁷ Кирпичников А. Н. Военное дело... — С. 14.

¹⁸ См.: Бобров Л. А. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII вв.) // PARA-BELLUM. — 2003. — № 2(18). — С. 72; Бобров Л. А. «Ответный удар» (этапы «вестернизации» доспеха Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени) // PARA-BELLUM. — 2004. — № 2(22). — С. 85, 99.

¹⁹ См.: Кирпичников А. Н. Военное дело... — С. 95–101; Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV веков. — М., 1969. — Ч. 1. — С. 348–388.

²⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело... — С. 101.

²¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М., 1961. — Т. 20. — С. 171.

²² Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: древности темного времени. — М., 2003. — С. 10.

²³ Впрочем, обращение к иностранным, прежде всего немецкоязычным источникам, заставляет усомниться в этом. Генрих Латвийский и неизвестный автор «Старшей Ливонской рифмованной хроники» регулярно подчеркивают, что в русском войске, противостоящем немцам в кампаниях первой половины XIII в., всегда присутствует большое количество лучников (См., например: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии // Славянские хроники. — СПб., 1996. — С. 307–308; Старшая Ливонская рифмованная хроника. 2110, 2215–2216, 2240–2245 [Электронный ресурс] <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Livl_Alte_Reimschronik_II/frametext1.htm> (07.03.2017). И спустя столетие прусский хронист Виганд из Марбурга, описывая сражение литовцев

и русских (смолян, псковичей и нек. других) с орденским войском на р. Страва, отмечал, что литовцы метали в рыцарей «сулицы», а русские стреляли из луков, переранив многих «мужей» и коней (См.: *Chronicon seu Annales Wigandi Marburgensis, equites et fratris Ordinus Teutonici.* — *Posnaniae*, 1842. — S. 84).

²⁴В том числе и потому, что на русской периферии просто не стало свободных кочевников — те, что остались после переселения ближе к сердцу Золотой Орды, были обращены в слуг новой ордынской аристократии. См., например: Федоров-Давыдов Г.В. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. — М., 1966. — С. 235, 237–238.

²⁵См., например: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. — М.; Л., 1952. — Т. I. — Кн. 1. — С. 274–275.

²⁶Вопрос об этническом составе монгольского войска во время «Западного похода» является дискуссионным. Так, Г.В. Федоров-Давыдов исходил из того, что большую часть населения улуса Джучи составляли тюрки-кочевники, прежде всего половцы/кыпчаки, следовательно, они же образовали и костяк армии Батыя. Р.П. Храпачевский, ссылаясь на мнение В.В. Каргалова, отмечал, что численность «монгольской» компоненты в армии Бату и других «царевичей» составляла до 1/3 от общей численности выделенной для похода имперской армии (правда, при этом исследователь считал методику подсчета В.В. Каргалова ненадежной). Сам же Р.П. Храпачевский полагал, что монгольские подразделения составляли большую и лучшую часть армии вторжения. Однако столь радикальная точка зрения подвергается сомнению со стороны других исследователей. Например, М. Усманов писал, что «хлынувшие в Восточную Европу завоеватели, «татары», не были в этническом отношении исключительно монголами. Монгольские армии были конгломератом, в котором при организующем, руководящем положении монгольской элиты и ханской гвардии количественно преобладающим оказался тюркский компонент...». В наших предположениях мы исходим из этой точки зрения.

См.: История татар с древнейших времен. — Казань, 2009. — Т. III. — С. 339.

Федоров-Давыдов Г.В. Кочевники Восточной Европы... — С. 112, 137, 142, 242.

Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. — М., 2011. — С. 193–194, 196–201.

²⁷ См. любопытное, но не получившее развития наблюдение А. В. Арциховского относительно комплекса вооружения русских воинов удельного периода: Арциховский А. В. Оружие // Очерки русской культуры XIII–XV веков. — М., 1969. — Ч. 1 — С. 389.

²⁸ Примечательно, что в Полоцком походе 1562/63 гг. «царский» «двор» касимовского «царя» Шах-Али насчитывал 688 бойцов, а «городетские люди Сеит с товарищи» выступили общим числом 572 всадника (Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — С. 126).

²⁹ Borawski P. Ziemska służba wojskowa Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego w XV–XVII wieku. — Zabrze, 2015. — S. 101.

³⁰ Двуреченский О. В. Холодное оружие... — С. 296.

³¹ Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. — М., 2010. — С. 194–195.

³² См., например: Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 2004. — Т. XXV. — С. 263.

³³ Архангелогородский летописец // ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. XXXVII. — С. 88; Ермолинская летопись // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. XXIII. — С. 151.

³⁴ Бессуднова М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. — Липецк, 2016. — С. 68–71. О напряженной обстановке на рязанско-литовской границе в сер. 50-х гг. XV в. см., например: Акты, относящиеся до истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. — СПб., 1846. — Т. I. 1340–1506. — С. 71.

³⁵ О черкасском старосте см. подробнее: Черкас Б. В. Остафій Дашкович — черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. — 2002. — № 1. — С. 53–67.

³⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. — СПб., 1843. — Т. II. 1506–1544. — С. 186.

³⁷ Достаточно указать на сугубо восточный характер доспехов, упомянутых в духовной грамоте Григория Русинова (1521 г.) или в духовной же грамоте Василия Есипова (1528 г.). См.: Акты Русского

государства. 1505–1526 гг. — М., 1975. — С. 199; Акты феодального землевладения и хозяйства. — Ч. II. — М., 1956. — С. 92.

³⁸Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн публічных спраў. — Мінск, 2003. — С. 49.

³⁹Касательно татарского примера отметим, что по нашему мнению, кризис, поразивший Золотую Орду во 2-й половине XIV в. и в конечном итоге приведший ее к гибели, способствовал и в определенной степени архаизации татарского военного дела. Это было обусловлено, в частности, упадком городской культуры, а вместе с ней — ремесленного производства и транзитной торговли на территории Орды (как западной, так и в особенности восточной ее половин-крыльев. См., например: Трепавлов В. В. Степные империи Евразии. Монголы и татары. — М., 2015. — С. 193). Неизбежный в этом случае дефицит металлоемкого качественного оружия, в т.ч. и доспехов, оскудение большей части кочевников, примитивизация их быта неизбежно должны были вызвать «облегчение» комплекса вооружения основной массы татарских воинов.

⁴⁰См., например: Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. XXV. — С. 274–275, 288–289. Для сравнения — описание битвы под Русой с «новгородской» стороны: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XVI. — Стб. 195. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство — в летописных описаниях с «московской» стороны подчеркивается, что воины великого князя преднамеренно обстреливали коней новгородских бойцов. Обычно этот факт используют как доказательство в пользу ранней «ориентализации» московского войска — тяжелая копейная новгородская конница и легкая «стрелковая» московская. Но в описании битвы на Страве в 1348 г. «литовские» (sic!) русские точно так же стреляют из луков по коням орденских рыцарей: «Rutenii cum arcubus et telis, multos vulnerantes viros et equos...» (См.: Chronicon seu Annales Wigandi Marburgensis, equites et fratris Ordinis Teutonici. — Posnaniae, 1842. — S. 84). Кстати, не менее известный летописный пример 1436 г., когда князь Иван Баба «изряди свои полк с копии по литовскы», можно ведь трактовать как указание на то, что князь выстроил своих людей в боевой порядок, принятый в Литве и отличавшийся от принятого у москвичей (Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. XXV. — С. 252).

⁴¹Мы бы осторожно предположили, что характер военных действий во время войны Василия II с Юрьевичами во 2-й четверти XV в., в особенности в 30-х — 40-х гг., способствовал усилению «ориентальных» тенденций в развитии московского военного дела.

⁴²Процесс дробления вотчин и оскудения детей боярских, вызванный этим явлением, в XV — нач. XVI вв. изучен на примере Волоколамского уезда С. З. Черновым (См.: Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения.— М., 1998.— С. 296–321).

⁴³См.: Бессуднова М. Б. Специфика и динамика...— С. 236–237, 242.